



吾輩は猫である

夏目漱石

Ваш покорный слуга кот

Нацумэ Сосэки



Lingtrain Books

目次

1. 一

7

Содержание

1. Глава I	7
------------	---

Глава I

吾輩は猫である。名前はまだ無い。

Позвольте представиться: я — кот, просто кот, у меня еще нет имени.

どこで生れたかとんと見当がつかぬ。何でも薄暗いじめじめした所でニャーニャー泣いていた事だけは記憶している。吾輩はここで始めて人間というものを見た。しかもあとで聞くとそれは書生という人間中で一番獰悪な種族であったそうだ。この書生というのは時々我々を捕えて煮て食うという話である。しかしその当時は何という考もなかったから別段恐いとも思わなかった。ただ彼の掌に載せられてスーと持ち上げられた時何だかフワフワした感じがあったばかりである。掌の上で少し落ちついて書生の顔を見たのがいわゆる人間というものの見始であろう。この時妙なものだと思った感じが今でも残っている。第一毛をもって装飾されべきはずの顔がつるつるしてまるで薬缶だ。その後猫にもだいぶ逢ったがこんな片輪には一度も出会わした事がない。のみならず顔の真中があまりに突起している。そうしてその穴の中から時々ぷうぷうと煙を吹く。どうも咽せぼくて実に弱った。これが人間の飲む煙草というものである事はようやくこの頃知った。

Я совершенно не помню, где родился. Помню только, как я жалобно мяукал в каком-то темном и сыром углу. Здесь же мне впервые довелось увидеть человека. Позже я узнал, что это был мальчишка-сёсэй, один из тех сёсэев, которые слывут самой жестокой разновидностью людского племени. Рассказывают, что эти мальчишки иногда ловят нас, кошек, зажаривают и едят. Но тогда я даже не подозревал, что мне грозит такая опасность, и поэтому не очень испугался. Я не почувствовал никакой тревоги и тогда, когда мальчишка взял меня на руки и поднял на головокружительную высоту. Мне даже было приятно в теплых и мягких ладонях сёсэя. Я устроился поудобнее и принялся рассматривать его — ведь как-никак это была моя первая встреча с человеком. Уже тогда человек показался мне существом весьма странным. Этого мнения я придерживаюсь и по сей день. Взять хотя бы лицо. Ведь именно здесь должна расти самая густая, самая красивая шерсть. А у него оно голое и круглое — совсем как никелированный чайник! Мне потом приходилось встречаться со многими кошками, но ни разу я не видел среди них такого уродца. Более того, средняя часть лица у человека как-то странно выдавалась вперед, а из двух отверстий в этом выступе время от времени вылетали клубы дыма. Дым был едким и противным, и я начал задыхаться. Только недавно я наконец узнал, что это был дым табака, который курят люди.

この書生の掌の裏でしばらくはよい心持に坐っておったがしばらくすると非常な速力で運転し始めた。書生が動くのか自分だけが動くのか分らないが無暗に眼が廻る。胸が悪くなる。到底助からないと思っているとどさりと音がして眼から火が出た。それまでは記憶しているがあとは何の事やらいくら考え出そうとしても分らない。

ふと気が付いて見ると書生はいない。たくさんおった兄弟が一足も見えぬ。肝心の母親さえ姿を隠してしまった。その上今までの所とは違って無暗に明るい。眼を明いていられぬくらいだ。

はてな何でも容子がおかしいとのそのそ這い出して見ると非常に痛い。吾輩は藁の上から急に笹原の中へ棄てられたのである。

ようやくの思いで笹原を這い出すと向うに大きな池がある。吾輩は池の前に坐ってどうしたらよかろうと考えて見た。別にこれという分別も出ない。しばらくして泣いたら書生がまた迎に来てくれるかと考え付いた。ニャーニャーと試みにやって見たが誰も来ない。そのうち池の上をさらさらと風が渡って日が暮れかかる。腹が非常に減って来た。泣きたくても声が出ない。仕方がない何でもよいから食物のある所まであるこうと決心をしてそろりそろりと池を左りに廻り始めた。どうも非常に苦しい。そこを我慢して無理やりに這って行くとようやくの事で何となく人間臭い所へ出た。ここへ這入ったらどうにかなると思って竹垣の崩れた穴からとある邸内にもぐり込んだ。縁は不思議なものでもしこの竹垣が破れていなかったなら吾輩はついに路傍に餓死したかも知れんのである。一樹の蔭とはよく云ったものだ。この垣根の穴は今日に至るまで吾輩が隣家の三毛を訪問する時の通路になっている。

На руках у мальчишки я просидел довольно долго и чувствовал себя вполне хорошо. Но вдруг меня куда-то стремительно понесло.

Я никак не мог понять, что происходит, то ли это двигался мальчишка, то ли двигался лишь я, а он стоял на месте, во всяком случае, голова у меня пошла кругом. К горлу подступила тошнота. «Теперь конец», — мелькнула мысль, и тут я хлопнулся оземь, да так, что из глаз посыпались искры.

До этого момента я все помню хорошо, но что было потом — хоть убей, не могу вспомнить.

Когда я вдруг пришел в себя, мальчишки поблизости уже не было. Не было никого и из моих многочисленных братьев и сестричек. Даже моя заботливая и нежная мать — и та куда-то исчезла. Я очутился в совершенно незнакомом месте, было непривычно светло, так светло, что резало глаза.

«И куда это я попал?» — подумал я и попробовал сделать несколько шагов, но каждый шаг причинял мне страшную боль — ведь теперь вместо мягкой соломки у меня под ногами была густая колючая поросль молодого бамбука.

Вскоре я выбрался из зарослей и оказался на берегу большого пруда. Здесь я присел на землю и стал размышлять над тем, что же теперь делать, но ни до чего путного так и не додумался. Мне пришло в голову, что если я немного поплачу, то мальчишка непременно придет за мной. «Мяу, мяу», — начал я, но никто не появлялся. А между тем откуда-то, взволновав поверхность пруда, налетел прохладный ветерок. Солнце зашло. Страшно хотелось есть. Я так ослабел, что даже не мог плакать. «Теперь уж все равно ничего не поделаешь, так хоть пойду поищу какой-нибудь еды», — решил я и медленно побрел вдоль берега. На душе было тяжело.

Так я шел и шел, терпеливо, сам не зная куда, и вдруг до меня донесся запах человеческого жилья. «Пойду-ка туда, авось кто-нибудь да выйдет», — подумал я и через дыру в изгороди проник в чей-то двор.

Удивительная вещь — случай: не будь этой дыры, умер бы я в конце концов от голода где-нибудь на дороге. Вот уж недаром говорят: «Неисповедимы пути господни». А через эту дыру я и сейчас хожу в гости к Микэ, которая живет по соседству.

さて邸へは忍び込んだもののこれから先どうして善いか分らない。そのうちに暗くなる腹は減る寒さは寒し雨が降って来るといふ始末でもう一刻の猶予が出来なくなった。仕方がないからとにかく明るくて暖かそうな方へ方へとあるいて行く。

今から考えるとその時はすでに家の内に這入っておったのだ。ここで吾輩は彼の書生以外の人間を再び見るべき機会に遭遇したのである。

第一に逢ったのがおさんである。これは前の書生より一層乱暴な方で吾輩を見るや否やいきなり頸筋をつかんで表へ抛り出した。いやこれは駄目だと思ったから眼をねぶって運を天に任せていた。

しかしひもじいのと寒いのはどうしても我慢が出来ん。吾輩は再びおさんの隙を見て台所へ這い上った。すると間もなくまた投げ出された。

吾輩は投げ出されては這い上り這い上っては投げ出され何でも同じ事を四五遍繰り返したのを記憶している。

その時におさんと云う者はつくづくいやになった。この間おさんの三馬を偷んでこの返報をしてやってからやっと胸の痞が下りた。

吾輩が最後につまみ出されようとしたときにこの家の主人が騒々しい何だといひながら出て来た。下女は吾輩をぶら下げて主人の方へ向けてこの宿なしの小猫がいくら出しても出しても御台所へ上って来て困りますという。

主人は鼻の下黒い毛を撚りながら吾輩の顔をしばらく眺めておったがやがてそんなら内へ置いてやれといったまま奥へ這入ってしまった。

主人はあまり口を聞かぬ人に見えた。下女は口惜しそうに吾輩を台所へ抛り出した。

Ну, хорошо, во двор-то я пробрался, а вот что делать дальше? К этому времени совсем стемнело, и меня окончательно одолел голод. А тут еще пошел дождь, и я сильно продрог. Нельзя было терять больше ни минуты. И я отправился дальше, туда, где, как мне казалось, можно найти свет и тепло.

Теперь я знаю, что тогда я сумел побывать в доме. И там мне снова представился случай встретиться с человеком, на этот раз уже не с мальчишкой. Первой меня заметила служанка.

Она обошлась со мной куда безжалостнее, чем тот сорванец сёсэй. Как только я попался ей на глаза, она схватила меня за загривок и вышвырнула на улицу.

«Это уж совсем никуда не годится», — подумал я и, закрыв глаза, вверил свою судьбу небу. Но холод и голод были поистине нестерпимы, и, улучив минуту, когда служанка отвернулась, я опять проскользнул в кухню и тут же снова был выброшен за дверь.

Помню, как много раз подряд я пробирался в дом и сразу же оказывался под дождем, как я опять возвращался и меня опять вышвыривали. Уже тогда я всей душой возненавидел служанку. Совсем недавно я утащил у нее со стола рыбу и этим хоть немного отомстил ей за обиды.

Когда она схватила меня в последний раз и уже собиралась было вышвырнуть из кухни, вошел хозяин дома. — Что тут за шум? — спросил он.

Служанка опустила руку и указала на меня. — Да вот какой-то бездомный котенок все лезет и лезет. Я его гоню, а он опять... Надоел даже...

Хозяин, покручивая росшие у него под носом черные волосы, некоторое время внимательно рассматривал меня, а потом произнес: — Ну, раз так, то пусть остается у нас, — и снова ушел в комнаты.

Он производил впечатление человека не очень разговорчивого. Служанка с досады бросила меня на пол. Вот так я и поселился в этом доме.

吾輩の主人は滅多に吾輩と顔を合せる事がない。職業は教師だそうだ。学校から帰ると終日書齋に這入り、ぎりほとんど出て来る事がない。家のものは大変な勉強家だと思っている。当人も勉強家であるかのごとく見せている。しかし実際はうちのものがいうような勤勉家ではない。吾輩は時々忍び足に彼の書齋を覗いて見るが彼はよく昼寝をしている事がある。時々読みかけてある本の上に涎をたらしている。彼は胃弱で皮膚の色が淡黄色を帯びて弾力のない不活潑な徴候をあらわしている。その癖に大飯を食う。大飯を食った後でタカジャスターゼを飲む。飲んだ後で書物をひろげる。二三ページ読むと眠くなる。涎を本の上へ垂らす。これが彼の毎夜繰り返す日課である。

吾輩は猫ながら時々考える事がある。教師というものは実に楽なものだ。

人間と生れたら教師となるに限る。こんなに寝ていて勤まるものなら猫にでも出来ぬ事はないと。それでも主人に云わせると教師ほどつらいものはないそうで彼は友達が来る度に何とかかんとか不平を鳴らしている。

吾輩がこの家へ住み込んだ当時は主人以外のものにははなはだ不人望であった。

どこへ行っても跳ね付けられて相手にしてくれ手なかった。

いかに珍重されなかったかは今日に至るまで名前さえつけてくれないのでも分る。吾輩は仕方がないから出来得る限り吾輩を入れてくれた主人の傍に在る事をつとめた。朝主人が新聞を読むときは必ず彼の膝の上に乗る。彼が昼寝をするときは必ずその背中に乗る。これはあながち主人が好きという訳ではないが別に構い手なかったからやむを得るのである。その後いろいろ経験の上朝は飯櫃の上夜は炬燵の上天気の良い日は縁側へ寝る事とした。

しかし一番心持の好いのは夜に入ってここのうちの小供の寝床へもぐり込んでいっしょにねる事である。

この小供というのは五つと三つで夜になると二人が一つ床へ入って一間へ寝る。

吾輩はいつでも彼等の中間に己れを容るべき余地を見出してどうかこうにか割り込むのであるが運悪く小供の一人が眼を醒ますが最後大変な事になる。小供は——ことに小さい方が質がわるい——猫が来た猫が来たといつて夜中でも何でも大きな声で泣き出すのである。

すると例の神経胃弱性の主人は必ず眼をさまして次の部屋から飛び出してくる。

現にせんだってなどは物指で尻を叩かれた。

С хозяином мне приходится сталкиваться редко. По профессии он учитель. Придя из школы, запирается на целый день в кабинете и почти не выходит оттуда. «До чего он трудолюбив», — думают домочадцы. А хозяину и в голову не приходит их разубеждать, что на самом деле он вовсе не такой. Иногда я украдкой заглядываю в кабинет и вижу, как он целыми днями спит, уткнувшись носом в раскрытую книгу. Хозяин страдает несварением желудка, поэтому цвет кожи у него изжелта-бледный, а тело дряблое. Но тем не менее ест он помногу, а после обильной еды пьет диастазу Така. Потом идет в кабинет и раскрывает книгу. Однако, прочитав две-три страницы, засыпает, и из полураскрытого рта прямо на книгу начинает капать слюна. Такого рода «занятия» повторяются каждый вечер. Я всего лишь кот, но и то иногда думаю: «До чего же хорошо быть учителем. Будь я человеком, обязательно избрал бы эту профессию. И кошка могла бы справиться с такой службой: спи себе — и вся недолга». Но попробуйте спросить у моего хозяина, и он вам ответит, что нет ничего тяжелее и неблагодарнее труда учителя. Во всяком случае, когда к нему приходят друзья, он всеми силами старается подчеркнуть это.

С тех пор как я поселился в этом доме, все, кроме хозяина, обращаются со мной бесчеловечно. К кому ни подойдешь — все тебя гонят, никто не хочет с тобой поиграть. Мне до сих пор даже не дали имени — вот как мало меня здесь ценят. Потому-то я и стараюсь все время быть поближе к хозяину, ведь как-никак это он приютил меня. По утрам, когда хозяин читает газеты, я непременно взбираюсь к нему на колени. А днем, когда он ложится спать, я устраиваюсь у него на спине. И не потому, что я уж очень люблю хозяина, — просто мне больше не к кому приласкаться. Теперь я приобрел некоторый опыт и решил: по утрам спать на мэсибицу, по вечерам — на котацу, а днем, если на дворе тепло и нет дождя, отправляться на галерею. Но больше всего я люблю забраться с вечера в постель к хозяйским дочкам и проспать там всю ночь. Одной дочке хозяина пять, другой — три года, и спят они вместе. Я отыскиваю свободное местечко и укладываюсь рядом с ними. Но беда, если кто-нибудь из них проснется, — какой тогда поднимается шум! Им совсем невдомек, что уже ночь и все спят, и они начинают громко вопить: «Кошка, кошка!» Особенно усердствует младшая, у которой вообще несносный характер. Своими криками они будят моего больного нервного хозяина, который спит в соседней комнате. Он вскакивает и бежит к детям. Вот и недавно он рассердился, схватил указку и пребольно хлестнул меня по задку.

吾輩は人間と同居して彼等を観察すればするほど彼等は我儘なものと断言せざるを得なくなった。ことに吾輩が時々同衾する小供のごときに至っては言語同断である。自分の勝手な時は人を逆さにしたり頭へ袋をかぶせたり抛り出したりへっついの中へ押し込んだりする。しかも吾輩の方で少しでも手出しをしようものなら家内総がかりで追い廻して迫害を加える。この間もちょっと畳で爪を磨いたら細君が非常に怒ってそれから容易に座敷へ入れない。台所の板の間で他が顫えていても一向平気なものである。

吾輩の尊敬する筋向の白君などは逢う度毎に人間ほど不人情なものはないと言っておらるる。

白君は先日玉のような子猫を四疋産まれたのである。ところがその家の書生が三日目にそいつを裏の池へ持って行って四疋ながら棄てて来たそうだ。白君は涙を流してその一部始終を話した上どうしても我等猫族が親子の愛を完くして美しい家族的生活をするには人間と戦ってこれを剿滅せねばならぬといわれた。一々もつもの議論と思う。また隣りの三毛君などは人間が所有権という事を解していないといって大に憤慨している。元来我々同族間では目刺の頭でも鰻の膾でも一番先に見付けたものがこれを食う権利があるものとなっている。もし相手がこの規約を守らなければ腕力に訴えて善いらいのものだ。しかるに彼等人間は毫もこの觀念がないと見えて我等が見付けた御馳走は必ず彼等のために掠奪せらるるのである。彼等はその強力を頼んで正当に吾人が食い得べきものを奪ってすましている。白君は軍人の家におり三毛君は代言の主人を持っている。吾輩は教師の家に住んでいるだけこんな事に関すると両君よりもむしろ楽天である。ただその日その日がかうにか送られればよい。いくら人間だってそういつまでも栄える事もあるまい。まあ気を永く猫の時節を待つがよからう。

Чем дольше я живу среди людей, чем внимательнее к ним присматриваюсь, тем больше убеждаюсь, что они существа весьма капризные и своевольные. Что до детей, с которыми я иногда сплю, то и говорить не приходится. Стоит им только захотеть, и они начинают тормозить меня, переворачивать вверх ногами, швырять на пол, заталкивать в печь, натягивать мне на голову мешок. Но как только я выражу недовольство, люди всей семьей гонятся за мной, ловят и избивают. И вот совсем недавно, когда я вздумал немного поточить коготки о циновку, хозяйка страшно рассердилась и совсем перестала пускать меня в комнаты. Какое ей дело до того, что кто-то на кухне дрожит от холода.

В доме наискосок от нас живет многоуважаемая Сиро-кун. Каждый раз, встречаясь со мной, она повторяет: «Нет на свете создания более бессердечного, чем человек».

У Сиро— кун недавно родилось четверо пушистых, похожих на шарики котят. Но уже на третий день живущий в их доме ученик отнес бедняжек за дом, к пруду, и побросал всех четверых в воду. Сиро-кун горько оплакивала своих детей и ни о чем другом не могла говорить. И еще она сказала, что мы, кошки, непременно должны бороться с людьми и уничтожить их всех до одного, если хотим обеспечить себе счастливую семейную жизнь, когда любовь между родителями и детьми достигнет наивысшего расцвета. Мне кажется, что это весьма и весьма справедливо. А Микэ-кун, которая тоже живет по соседству, при этом с возмущением добавила: «Люди совсем не имеют представления о праве собственности». У нас, кошек, издавна так заведено: кто первый заметит что-нибудь съедобное, — будь то голова сардинки или брюшко голавля, — тот и имеет полное право сам съесть найденное. Того же, кто не придерживается этого строгого закона, силой заставляют подчиниться ему. А люди, кажется, абсолютно не понимают этого и всегда отбирают найденные нами лакомства. Силой, без всякого зазрения совести они присваивают то, что принадлежит нам по праву. Сиро-кун живет в доме военного, хозяин Микэ-кун — адвокат. Я же живу в доме учителя и поэтому смотрю на вещи более оптимистично, чем мои приятельницы. Мне бы только тихо и мирно, без всяких волнений дожить до конца дней своих. Все равно господство людей на земле не будет вечным. Так что не будем терять надежды и подождем, пока наступит эпоха кошек.

我儘で思い出したからちょっと吾輩の家の主人がこの我儘で失敗した話をしよう。

元来この主人は何とて人々に勝てて出来る事もないが何にでもよく手を出したがる。

俳句をやったとぎすへ投書をしたり新体詩を明星へ出したり間違いだらけの英文をかいたり時によると弓に凝ったり謡を習ったりまたあるときはヴァイオリンなどをブーブー鳴らしたりするが気の毒な事にはどれもこれも物になっておらん。

その癖やり出すと胃弱の癖にいやに熱心だ。後架の中で謡をうたって近所で後架先生と渾名をつけられているにも関せず一向平気なものでやはりこれは平の宗盛にて候を繰返している。みんながそら宗盛だと吹き出すくらいである。

この主人がどういう考になったものか吾輩の住み込んでから一月ばかり後のある月の月給日に大きな包みを提げてあわただしく帰って来た。

何を買って来たのかと思うと水彩絵具と毛筆とワットマンという紙で今日から謡や俳句をやめて絵をかく決心と見えた。果して翌日から当分の間というものは毎日毎日書斎で昼寝もしないで絵ばかりかいている。

しかしそのかき上げたものを見ると何をかいたものやら誰にも鑑定がつかない。

当人もあまり甘くないと思ったものがある日その友人で美学とかをやっている人が来た時に下のような話をしているのを聞いた。

「どうも甘くかけないものだね。人を見ると何でもないようだが自ら筆をとって見ると今更のようにむずかしく感ずる」これは主人の述懐である。なるほど詐りのない処だ。

Раз я уж начал говорить о капризах людей, то придется рассказать и о том, как однажды мой хозяин из-за своего дурного характера попал впросак. Он отнюдь не блещет талантами, но тем не менее берется за все. То сочиняет хайку и посылает их в журнал «Кукушка», то пишет стихи в новом стиле и отправляет их в «Утреннюю звезду», а то начинает строчить статьи на английском языке, в которых полно ошибок. Иногда он вдруг увлекается стрельбой из лука или принимается распевать утай, а иногда с утра до вечера пикирует на скрипке. Но, к сожалению, он во всем далек от совершенства, хотя, несмотря на несварение желудка, целиком отдается этим странным занятиям. Он распевает свои утай даже в нужнике, за что и получил от соседей прозвище «Господин нужник». Но он не обращает на это никакого внимания и продолжает петь: «Я храбрый Тайра Мунэмори», и все прыскают со смеху: «Нет, каково, вы только послушайте: новый Мунэмори объявился».

Однажды я был совсем сбит с толку и никак не мог понять, какая новая идея пришла в голову моему хозяину. Это было в день выдачи жалованья, когда прошел всего лишь месяц с тех пор, как я поселился в доме учителя. Хозяин вернулся из школы очень взволнованный, в руках у него был большой сверток. «Интересно, чего он там накупил», — подумал я. В свертке оказались кисти, акварельные краски, листы ватманской бумаги. С тех пор хозяин забросил утай, хайку и, казалось, преисполнился решимости стать художником. Уже со следующего дня он начал запирается в кабинете и рисовать. Он даже отказался от послеобеденного сна. Но сколько потом люди ни вглядывались в его картины, никто не мог определить, что там нарисовано. Да и он сам, наверное, понимал, что получается не то, что нужно.

Как— то я подслушал разговор хозяина с одним его приятелем, который, кажется, был искусствоведам.

— Неважно что-то у меня получается, — жаловался мой хозяин. — Посмотришь у других — ну что здесь, казалось бы, особенного, а вот как сам возьмешься за кисть... Трудно, очень трудно... Он действительно нисколько не кривил душой.

彼の友は金縁の眼鏡越しに主人の顔を見ながら「そう初めから上手にはかけないさ第一室内の想像ばかりで画がかける訳のものではない。

昔し以太利の大家アンドレア・デル・サルトが言った事がある。画をかくなら何でも自然その物を写せ。天に星辰あり。地に露華あり。飛ぶに禽あり。走るに獣あり。池に金魚あり。枯木に寒鴉あり。自然はこれ一幅の大活画なりと。どうだ君も画らしい画をかこうと思うならちと写生をしたら」「へえアンドレア・デル・サルトがそんな事をいった事があるかい。ちっとも知らなかった。なるほどこりゃもったもだ。実にその通りだ」と主人は無暗に感心している。

金縁の裏には嘲けるような笑が見えた。

その翌日吾輩は例のごとく椽側に出て心持善く昼寝をしていたら主人が例になく書斎から出て来て吾輩の後ろで何かしきりにやっている。

ふと眼が覚めて何をしているかと一分ばかり細目に眼をあけて見ると彼は余念もなくアンドレア・デル・サルトを極め込んでいる。

吾輩はこの有様を見て覚え失笑するのを禁じ得なかった。

彼は彼の友に揶揄せられたる結果としてまず手初めに吾輩を写生しつつあるのである。

吾輩はすでに十分寝た。欠伸がしたくてたまらない。しかしせっかく主人が熱心に筆を執っているのを動いては気の毒だと思ってじっと辛棒しておった。彼は今吾輩の輪廓をかき上げて顔のあたりを色彩っている。

— Да, сначала всегда так, — отвечал гость, глядя на хозяина поверх очков в золотой оправе. — И вот что главное: ты никогда не сможешь написать хорошую картину, если твое воображение ограничено стенами дома. Послушай, что говорил старый итальянский мастер Андреа дель Сарто: «Если хочешь написать настоящую картину, то изображай то, что имеется в природе, неважно что именно. Природа сама по себе большая, живая картина. На этой картине есть все: и мерцание звезд на небе, и блеск росы на траве, и летящие птицы, и бегающие животные, и плавающие в пруду рыбы, и стынувшие на ветвях опавших деревьев вороны». Вот и тебе, для того чтобы стать настоящим художником, следует рисовать с натуры. Интересно, что получится... — Как, Андреа дель Сарто действительно так говорил? А я и не знал. И он, конечно, прав, тысячу раз прав. Ведь так и должно быть, — чересчур восторженно воскликнул хозяин.

За очками в золотой оправе мелькнула ироническая усмешка.

На следующий день я, как обычно, вышел на галерею и, устроившись поудобнее, задремал. Хозяин тоже вышел из кабинета, чего раньше в это время дня с ним никогда не случалось, и, стоя позади меня, начал усиленно над чем-то трудиться. Когда я проснулся и, чуть-чуть приоткрыв один глаз, взглянул на хозяина, то обнаружил, что он старательно выполняет завет великого Андреа дель Сарто. Я не мог сдержать невольной улыбки. Хозяин попался на удочку своего приятеля и для начала решил изобразить меня. Я уже хорошо выспался, и мне страшно хотелось потянуться и зевнуть. Но хозяин работал с упоением, и я понял, что стоит мне пошевелиться, как все пойдет насмарку, а поэтому терпел изо всех сил. Он уже нанес на бумагу контуры моего тела и сейчас раскрашивал мордочку.

吾輩は自白する。吾輩は猫として決して上乘の出来ではない。

背といい毛並といい顔の造作といいあえて他の猫に勝るとは決して思っておらん。

しかしいくら不器量の吾輩でも今吾輩の主人に描き出されつつあるような妙な姿とはどうしても思われない。

第一色が違う。吾輩は波斯産の猫のごとく黄を含める淡灰色に漆のごとき斑入りの皮膚を有している。これだけは誰が見ても疑うべからざる事実と思う。

しかるに今主人の彩色を見ると黄でもなければ黒でもない灰色でもなければ褐色でもないさればとてこれらを交ぜた色でもない。ただ一種の色であるというよりほかに評し方のない色である。その上不思議な事は眼がない。もっともこれは寝ているところを写生したのだから無理もないが眼らしい所さえ見えないから盲猫だか寝ている猫だか判然しないのである。吾輩は心中ひそかにいくらアンドレア・デル・サルトでもこれではしようがないと思った。しかしその熱心には感服せざるを得ない。

なるべくなら動かずにおってやりたいと思ったがさつきから小便が催うしている。身内の筋肉はむずむずする。最早一分も猶予が出来ぬ仕儀となったからやむをえず失敬して両足を前へ存分のして首を低く押し出してあーあと大なる欠伸をした。

さてこうなって見るともうおとなしくしていても仕方がない。どうせ主人の予定は打ち壊したのだからついでに裏へ行って用を足そうと思ってのそのそ這い出した。すると主人は失望と怒りを掻き交ぜたような声をして座敷の中から「この馬鹿野郎」と怒鳴った。この主人は人を罵るときは必ず馬鹿野郎というのが癖である。ほかに悪口の言いようを知らないのだから仕方がないが今まで辛棒した人の気も知らないで無暗に馬鹿野郎呼わりは失敬だと思ふ。

Сознаюсь, что как кот я не представляю собой превосходнейшего экземпляра. Можно смело сказать, что я не отличаюсь от других котов ни ростом, ни цветом и красотой шерсти, ни чертами мордочки.

Но при всей своей заурядной внешности я никак не могу согласиться, что похожу на страшилище, которое в это время рисовал мой хозяин. Прежде всего, я совсем другого цвета. Шкурка у меня, как у персидской кошки, светло-серая, с желтоватым оттенком и с черными блестящими, как лак, пятнами. Уж что-что, а это всякий может разглядеть. На картине же я был не желтым и не черным, не серым и не коричневым. Да что говорить, здесь не было даже смешения этих цветов! Одним словом, это был весьма своеобразный цвет, иначе и не скажешь. Но что самое удивительное — так это глаза. Вернее, глаз на картине вовсе не было. На первый взгляд это представлялось вполне резонным: ведь хозяин рисовал меня, когда я спал. Но дело в том, что на рисунке не было даже какого-либо намека на глаза; сколько ни гадай — никак не угадаешь, то ли это слепая кошка, то ли спящая. И я подумал про себя: «Что бы там ни говорил Андреа дель Сарто, а такая картина никуда не годится». Однако при всем этом нельзя было не восхищаться тем огромным рвением, с которым работал мой хозяин. Я всеми силами старался не шевелиться, но мне уже давно хотелось пойти по нужде. Внутри у меня все напряглось, я не мог больше терпеть ни минуты. Вот и пришлось волей-неволей позабыть все приличия: я потянулся, выставив далеко вперед лапы и низко пригнув голову, и сладко зевнул. После этого уже, конечно, не стоило сидеть неподвижно, ведь так или иначе я спутал хозяину все его планы. Поэтому я поднялся и не спеша пошел за дом по своим делам. Но в это время раздался крик хозяина: «Ах, черт бы тебя побрал!» Гнев, отчаяние слышались в его голосе. Когда хозяин ругается, он всегда употребляет это выражение: «Черт бы тебя побрал». Такая уж у него привычка, да он и не знает других ругательств. Я же подумал: «Потерпел бы с мое, тогда бы не кричал "черт бы тебя побрал". Не очень-то это вежливо».

それも平生吾輩が彼の背中へ乗る時に少しは好い顔でもするならこの漫罵も甘んじて受けるがこっちの便利になる事は何一つ快くしてくれた事もないのに小便に立ったのを馬鹿野郎とは酷い。元来人間というものは自己の力量に慢じてみんな増長している。

少し人間より強いものが出て来て窘めてやらなくてはこの先どこまで増長するか分らない。我儘もこのくらいなら我慢するが吾輩は人間の不徳についてこれよりも数倍悲しむべき報道を耳にした事がある。

Обычно он так ругается, когда я забираюсь к нему на спину, но если лицо у него в эту минуту хоть чуточку добрее, я ему охотно прощаю грубость. Однако еще ни разу не случилось, чтобы он уважил хотя бы одно мое желание. Вот и сейчас мне было очень больно услышать это «черт бы тебя побрал», когда я встал, чтобы пойти помочиться. Вообще люди слишком полагаются на свою физическую силу, а поэтому все они такие зазнайки. И неизвестно, каких пределов может достигнуть их зазнайство в будущем, если только не появятся какие-нибудь более сильные существа и не станут над ними издеваться. Можно было бы мириться с человеческим своенравием, если бы оно проявлялось только так; но дело в том, что мне известны случаи, когда людская несправедливость достигала прямо-таки вопиющих размеров.

吾輩の家の裏に十坪ばかりの茶園がある。広くはないが瀟洒とした心持ち好く日の当る所だ。うちの小供があまり騒いで楽々昼寝の出来ない時やあまり退屈で腹加減のよくない折などは吾輩はいつでもここへ出て浩然の気を養うのが例である。

За нашим домом есть небольшой, всего в каких-нибудь десяток цубо сад, в котором растет несколько чайных кустов. Здесь много уютных солнечных мест. Когда дети начинают слишком шуметь и в доме нельзя спокойно отдохнуть, когда у меня плохое настроение или я голоден, я всегда ухожу сюда и наслаждаюсь покоем.

ある小春の穏かな日の二時頃であったが吾輩は昼飯後快よく一睡した後運動かたがたこの茶園へと歩を運ばした。茶の木の根を一本一本嗅ぎながら西側の杉垣のそばまでくると枯菊を押し倒してその上に大きな猫が前後不覚に寝ている。彼は吾輩の近づくのも一向心付かざるとくまた心付くも無頓着なるとく大きな躰をして長々と体を横えて眠っている。

他の庭内に忍び入りたるものがかくまで平気に睡られるものかと吾輩は窃かにその大胆なる度胸に驚かざるを得なかった。彼は純粹の黒猫である。わずかに午を過ぎたる太陽は透明なる光線を彼の皮膚の上に抛げかけてきらきらする柔毛の間より眼に見えぬ炎でも燃え出するように思われた。

彼は猫中の大王とも云うべきほどの偉大なる体格を有している。吾輩の倍はたしかにある。吾輩は嘆賞の念と好奇の心に前後を忘れて彼の前に佇立して余念もなく眺めていると静かなる小春の風が杉垣の上から出たる梧桐の枝を軽く誘ってばらばらと二三枚の葉が枯菊の茂みに落ちた。大王はかっとその真丸の眼を開いた。今でも記憶している。その眼は人間の珍重する琥珀というものよりも遥かに美しく輝いていた。彼は身動きもしない。双眸の奥から射るごとき光を吾輩の矮小なる額の上にあつめて御めえは一体何だと云った。

大王にしては少々言葉が卑しいと思ったが何しろその声の底に犬をも挫しぐべき力が籠っているので吾輩は少なからず恐れを抱いた。しかし挨拶をしないと陰呑だと思ったから「吾輩は猫である。名前はまだない」となるべく平気を装って冷然と答えた。

しかしこの時吾輩の心臓はたしかに平時よりも烈しく鼓動しておった。

彼は大に輕蔑せる調子で「何猫だ? 猫が聞いてあきれらあ。全てえどこに住んでるんだ」随分傍若無人である。

Однажды, в погожий осенний день около двух часов пополудни, я, хорошенько отдохнув после обеда, вышел на улицу и, прогуливаясь, забрел в сад. Я не спеша прохаживался между чайными кустами, обнюхивая их корни, пока не добрался до забора, который огораживает сад с запада. На засохшем кусте хризантемы, пригибая его своей тяжестью к земле, не обращая внимания на то, что творится вокруг, спал большой кот. Громко храпя и вытянувшись во всю длину, он продолжал спать даже тогда, когда я подошел совсем близко, — может быть, он не заметил моего приближения, а может, и заметил, но сделал вид, что ему решительно все равно. Забраться в чужие владения и так спокойно спать — нет, я не мог не удивиться такой дерзкой отваге. Он был весь черный, без единой отметины. Яркое, полуденное солнце щедро освещало его своими лучами, и казалось, что в мягкой шерсти кота все время вспыхивают неуловимые огоньки. Незнакомец был так великолепно сложен, что его можно бы было смело принять за короля кошек. Он был наверняка в два раза больше меня. Восхищение и любопытство заставили меня забыть обо всем другом; пораженный великолепием незнакомца, я застыл на месте и принялся в упор разглядывать его. Тем временем слабый осенний ветерок тихонько качнул свесившиеся через забор ветви павлонии, и несколько листьев с легким шорохом упало на куст хризантемы. Король кошек вдруг открыл глаза, громадные и совершенно круглые, как блюдце. Этот миг я запомнил на всю жизнь. Блеск его глаз затмевал даже янтарь, который так высоко ценится у людей. Незнакомец не шевелился. Взгляд его прекрасных глаз, из самой глубины которых, казалось, лились потоки света, остановился на моем ничтожном лбу. Он спросил: — А ты, собственно говоря, кто такой?

Тут я подумал, что такая форма обращения выглядит несколько вульгарной в устах короля кошек, но в его голосе чувствовалась сила, способная привести в трепет даже собаку, и я стоял молча, объятый страхом. Но и молчать тоже было опасно. Поэтому, стараясь по возможности сохранить самообладание, я ответил: — Я — кот, просто кот, у меня еще нет имени. — Сердце мое в эту минуту билось быстрее, чем когда-либо.

Он насмешливо произнес: — Что? Кот? Подумаешь, тоже мне кот... А где ты живешь? «Какой наглец», — подумал я и с достоинством сказал:

「吾輩はこの教師の家にいるのだ」「どうせそんな事だろうと思った。

いやに瘠せてるじゃねえか」と大王だけに気焰を吹きかける。

言葉付から察するとどうも良家の猫とも思われぬ。

しかしその膏切って肥満しているところを見ると御馳走を食ってるらしい豊かに暮しているらしい。

吾輩は「そう云う君は一体誰だい」と聞かざるを得なかった。

「己れあ車屋の黒よ」昂然たるものだ。

車屋の黒はこの近辺で知らぬ者なき乱暴猫である。しかし車屋だけに強いばかりでちっとも教育がないからあまり誰も交際しない。同盟敬遠主義の的になっている奴だ。

吾輩は彼の名を聞いて少々尻こそばゆき感じを起すと同時に一方では少々軽侮の念も生じたのである。吾輩はまず彼がどのくらい無学であるかを試してみようと思って左の問答をして見た。

「一体車屋と教師とはどっちがえらいだろう」「車屋の方が強いに極っていらあな。

御めえのうちの主人を見ねえまるで骨と皮ばかりだぜ」

「君も車屋の猫だけに大分強そうだ。車屋にいと御馳走が食えると見えるね」「何におれなんざどこの国へ行ったって食い物に不自由はしねえつもりだ。

御めえなんかも茶島ばかりぐるぐる廻っていねえでちっと己の後へくっ付いて来て見ねえ。一と月とたたねえうちに見違えるように太れるぜ」「追ってそう願う事にしよう。

しかし家は教師の方が車屋より大きいのに住んでいるように思われる」「箆棒めうちなんかいくら大きくたって腹の足しになるもんか」彼は大に肝癰に障った様子で寒竹をそいのような耳をしきりとびく付かせてあららかに立ち去った。吾輩が車屋の黒と知己になったのはこれからである。

— Я живу в доме здешнего учителя. — Ах, учителя, я так и думал.

То-то ты такой тощий. Он был королем и мог безнаказанно говорить что угодно. Но из его манер я заключил, что незнакомец не из хорошего дома.

Однако он был сытым, гладким — сразу видно, что живет в довольстве и ест вволю. И я не мог удержаться, чтобы не спросить: — А ты откуда?

— Я — Куро, живу у рикши, — отвечал он высокомерно.

Этот Куро был известен как отпетый хулиган. О нем знали все в округе. Он слыл сильным, дурно воспитанным котом — сказывалось влияние рикши. Поэтому мы избегали водить с ним знакомство, но и ссориться боялись.

Когда он назвал свое имя, у меня от страха затряслись поджилки, но в то же время я почувствовал к нему презрение. Чтобы выяснить, насколько он необразован, я спросил:

— А как по-твоему, кто лучше: рикша или учитель? — О, мой хозяин гораздо сильнее. Ты посмотри на своего — кожа да кости. — Ты тоже, наверное, сильный. Ведь живешь-то в доме рикши, там и кормят, видимо, здорово. — О, я!... Я из тех, которые везде сыты будут. А ты только и знаешь что свои чайные кусты.

Пойдем со мной, не пройдет и месяца, как ты растолстеешь так, что и не узнать будет. — Не сейчас, как-нибудь в другой раз я попрошу тебя взять меня с собой. Да и дом у учителя побольше, чем ваш, и жить в нем удобнее. — Эх ты, олух. Одним домом сыт не будешь. Тогда он, наверное, здорово на меня рассердился. Часто поводя ушами, похожими на косо обрезанные побеги бамбука, он резко вскочил и ушел. Так я познакомился с Куро.

その後吾輩は度々黒と邂逅する。邂逅する毎に彼は車屋相当の気焰を吐く。先に吾輩が耳にしたという不徳事件も実は黒から聞いたのである。

或る日例のごとく吾輩と黒は暖かい茶盅の中で寝転びながらいろいろ雑談をしていると彼はいつもの自慢話をさも新しうに繰り返したあとで吾輩に向かって下のごとく質問した。「御めえは今までに鼠を何匹とった事がある」智識は黒よりも余程発達しているつもりだが腕力と勇氣とに至っては到底黒の比較にはならないと覚悟はしていたもののこの間に接したる時はさすがに極りが善くはなかった。けれども事実は事実で詐る訳には行かないから吾輩は「実はとろうとろうと思ってまだ捕らない」と答えた。

黒は彼の鼻の先からぴんと突張っている長い髭をびりびりと震わせて非常に笑った。元来黒は自慢をする丈にどこか足りないところがあって彼の気焰を感心したように咽喉をころころ鳴らして謹聴していればはなはだ御しやすい猫である。

吾輩は彼と近付になってから直にこの呼吸を飲み込んだからこの場合にもなまじい己れを弁護してますます形勢をわるくするのも愚であるいっその事彼に自分の手柄話をしゃべらして御茶を濁すに若くはないと思案を定めた。

そこでおとなしく「君などは年が年であるから大分とったろう」とそそのかして見た。果然彼は墻壁の欠所に呐喊して来た。

「たんとでもねえが三四十はとったろう」とは得意気なる彼の答であった。彼はなお語をつづけて「鼠の百や二百は一人でいつでも引き受けるがいたちってえ奴は手に合わねえ。

一度いたちに向って酷い目に逢った」「へえなるほど」と相槌を打つ。黒は大きな眼をぱちつかせて云う。

「去年の大掃除の時だ。うちの亭主が石灰の袋を持って椽の下へ這い込んだら御めえ大きないたちの野郎が面喰って飛び出したと思ひねえ」「ふん」と感心して見せる。

「いたちってけども何鼠の少し大きいぐれえのものだ。こん畜生って気で追っかけてとうとう泥溝の中へ追い込んだと思ひねえ」「うまくやったね」と喝采してやる。

После этого мы встречались довольно часто, и всякий раз он хвастался своим хозяином. Как-то раз он рассказал мне о страшной несправедливости со стороны людей, о той самой несправедливости, о которой я упоминал раньше. Однажды мы с Куро лежали среди чайных кустов, грелись на солнышке и беседовали. Он, как всегда, хвастался, причем делал это с таким видом, будто бы говорит что-то новое.

Вдруг он повернулся ко мне и спросил: — Сколько ты за свою жизнь поймал крыс? Конечно, я гораздо образованнее Куро, но когда речь заходит о силе и храбрости, то я не могу с ним тягаться. Поэтому его вопрос несколько смутил меня. Но факт есть факт, соврать было невозможно, и я ответил: — Все собираюсь начать ловить, но пока еще ни одной не поймал.

Куро отчаянно затряс своими пышными усами и громко захохотал. Он необыкновенный хвастун, этот Куро, и, следовательно, не очень умен. Поэтому во время его болтовни достаточно восхищенно мурлыкать, чтобы он стал мягким и податливым. Я понял это с первого дня нашего знакомства и потому решил не показывать своего превосходства, дабы не испортить с ним отношений. Это было бы весьма нежелательно, и поэтому я изо всех сил старался польстить ему. К этому способу я прибегнул и теперь.

— А ты, наверное, уже много крыс наловил... Ведь ты такой опытный. Я как раз затронул его слабое место. Куро как будто прорвало:

— Ни много ни мало, а несколько десятков есть, — самодовольно заявил он. — Сотню-другую крыс поймать всегда можно. А вот хорька никак изловить не могу. Один раз даже в беду попал с этим хорьком. — Как интересно! — подзадоривал я. А Куро, мигая своими огромными глазами, продолжал:

— Это случилось в прошлом году, когда у нас в доме была генеральная уборка. Хозяин взял мешок и отправился за известью под галерею, и представь себе, там был здоровенный хорек. Он, сволочь, сначала забегал, заметался, а потом выскочил на улицу. — Ух и здорово! — изобразил я восторг.

— Хорек! Только название страшное, а сам-то он лишь чуть побольше крысы. Я бросился в погоню и загнал этого прохвоста в сточную канаву. — Ах, какой молодец, — продолжал я восхищаться.

「ところが御めえいざってえ段になると奴め最後っ尻をこきやがった。

臭えの臭くねえのってそれからってえものはいたちを見ると胸が悪くならあ」彼はここに至ってあたかも去年の臭気を今なお感ずるごとく前足を揚げて鼻の頭を二三遍まで廻わした。吾輩も少々気の毒な感じがする。ちっと景気を付けてやろうと思って「しかし鼠なら君に睨まれては百年目だろう。

君はあまり鼠を捕るのが名人で鼠ばかり食うものだからそんなに肥って色つやが善いのだろう」黒の御機嫌をとるためのこの質問は不思議にも反対の結果を呈出した。彼は喟然として大息という。

「考げえるとつまらねえ。いくら稼いで鼠をとったって——てえ人間ほどふてえ奴は世の中にいねえぜ。

人のとった鼠をみんな取り上げやがって交番へ持って行きゃあがる。交番じゃ誰が捕ったか分らねえからそのたんびに五銭ずつくれるじゃねえか。うちの亭主なんか己の御蔭でもう壱円五十銭くらい儲けていやがる癖に碌なものを食わせた事もありやしねえ。

おい人間でもものあ体の善い泥棒だぜ」さすが無学の黒もこのくらいの理窟はわかと見えてすこぶる怒った容子で背中毛を逆立てている。吾輩は少々気味が悪くなったから善い加減にその場を胡魔化して家へ帰った。この時から吾輩は決して鼠をとるまいと決心した。しかし黒の子分になって鼠以外の御馳走を獮ってあるく事もしなかった。御馳走を食うよりも寝ていた方が気楽でいい。教師の家にいると猫も教師のような性質になると見える。要心しないと今に胃弱になるかも知れない。

教師といえば吾輩の主人も近頃に至っては到底水彩画において望のない事を悟ったものと見えて十二月一日の日記にこんな事をかきつけた。

— И только собрался его схватить, как он, проклятый, испустил страшную вонь.

До того она была противна, эта вонь, что и теперь при виде хорька меня начинает мутить. Дойдя до этого места, Куро несколько раз помахал лапой перед носом, как будто и сейчас чувствовал этот отвратительный запах.

Мне даже стало немного жаль его. Чтобы хоть как-нибудь подбодрить Куро, я сказал: — Но вот если крыса попадется тебе на глаза, считай, что ее песенка спета. Ведь по части ловли крыс ты настоящий мастер. И растолстел ты так, наверное, потому, что у тебя постоянно мясной стол. Однако моя откровенная лесть возымела самое неожиданное действие. Куро тяжело вздохнул и сказал:

— Эх! Только подумать — как все глупо получается.

Сколько ни старайся, сколько ни лови крыс... Да знаешь ли ты, что на свете нет существа более нахального, чем эти мерзавцы — люди. Стоит мне поймать крысу, как ее тут же отбирают и несут к полицейскому. А там ведь не разбираются, кто поймал, и платят принесшему пять сэн. Хозяин благодаря мне уже заработал на этом деле чуть ли не полторы иены, а мне ничего не перепало. Все люди — грабители, хоть и корчат из себя праведников. Ай да Куро! Неуч, неуч, а человеческую натуру раскусил правильно. Он был страшно зол, шерсть на спине встала дыбом.

Я даже немного испугался и поспешил уйти домой.

Тогда-то я и решил никогда не ловить крыс и не участвовать в походах Куро за всякой другой живностью. Мне не надо никакой вкусной пищи.

Самое важное хорошенько выспаться. Когда кошка живет в доме учителя, то она и характером начинает походить на учителя. А если не побережется, то может подобно своему хозяину заболеть несварением желудка.

Коль скоро речь снова зашла об учителях, то следует сказать, что недавно мой хозяин, кажется, в конце концов понял, что художника из него не получится, и первого декабря записал в своем дневнике следующее:

〇〇と云う人に今日の会で始めて出逢った。あの人は大分放蕩をした人だと云うがなるほど通人らしい風采をしている。こう云う質の人は女に好かれるものだから〇〇が放蕩をしたと云うよりも放蕩をするべく余儀なくせられたと云うのが適当であろう。

あの人の妻君は芸者だそうだが羨ましい事である。元来放蕩家を悪くいう人の大部分は放蕩をする資格のないものが多い。

また放蕩家をもって自任する連中のうちにも放蕩する資格のないものが多い。これらは余儀なくされないのに無理に進んでやるのである。

あたかも吾輩の水彩画に於けるがごときもので到底卒業する気づかいはない。しかるにも関せず自分だけは通人だと思って済んでいる。

料理屋の酒を飲んだり待合へ這入るから通人となり得るという論が立つなら吾輩も一廉の水彩画家になり得る理窟だ。

吾輩の水彩画のごときはかかない方がましであると同じように愚昧なる通人よりも山出しの大野暮の方が遙かに上等だ。

通人論はちょっと首肯しかねる。また芸者の妻君を羨しいなどというところは教師としては口にすべからざる愚劣の考であるが自己の水彩画における批評眼だけはたしかなものだ。

主人はかくのごとく自知の明あるにも関せずその自惚心はなかなか抜けない。

中二日置いて十二月四日の日記にこんな事を書いている。

昨夜は僕が水彩画をかいて到底物にならんと置いてそこに抛って置いたのを誰かが立派な額にして欄間に懸けてくれた夢を見た。さて額になったところを見ると我ながら急に上手になった。非常に嬉しい。これなら立派なものだと独りで眺め暮らしていると夜が明けて眼が覚めてやはり元の通り下手である事が朝日と共に明瞭になってしまった。

主人は夢の裡まで水彩画の未練を背負ってあるいていると見える。

これでは水彩画家は無論夫子の所謂通人にもなれない質だ。

「Сегодня на собрании впервые встретился с господином N. Говорят, что он отъявленный развратник. И он действительно производит впечатление бывшего человека. Такие люди нравятся женщинам. Поэтому правильнее было бы сказать, что N просто вынужден быть развратником. Ходят слухи, что его жена была гейшей, фу ты, даже позавидовать можно. Уж так заведено, что чаще всего развратников ругают именно те люди, у которых нет никаких данных, чтобы самим стать развратниками. Более того, даже среди тех, кто стремится прослыть развратниками, многие совершенно неспособны на это. И все-таки они стараются изображать из себя таковых. Эти люди так же достойны звания развратника, как я — звания художника. Тем не менее они считают себя бывальыми людьми и страшно важничают. Если можно прослыть бывалым, выпив сакэ в ресторане и сходя в дом свиданий, то тогда чем и я не художник? Любо́й невежественный провинциал намного выше этих тупых бывалых людей, точно так же как и любая ненаписанная картина превосходит мою мазню».

Трудно согласиться с такого рода теоретизированием о бывалом человеке. А завидовать человеку, у которого жена гейша, не пристало учителю. Пожалуй, единственное, что здесь верно — это критический подход к своему творению.

Однако, несмотря на то что хозяин правильно оценил свои возможности, ему не удалось окончательно избавиться от излишней самонадеянности. И через два дня, четвертого декабря, он сделал в дневнике еще одну запись:

«Прошлой ночью мне приснилось, будто бы я решил, что из моей картины все-таки ничего не выйдет, и выбросил ее. Но кто-то подобрал картину, вставил в прекрасную рамку и повесил на стену. Потом вижу, будто я стою перед своей картиной в полном одиночестве и думаю: "Вот я и стал признанным художником! До чего же это приятно! Уж если мою картину повесили на стену, то она и вправду, наверное, хороша". Но ночь прошла, рассвело, и с первыми лучами солнца я понял, что по-прежнему бездарен».

Хозяин даже во сне не мог забыть о своей картине. Выходит, что художник не может стать даже бывалым человеком, одним из тех, кого называют «учеными мужами».

主人が水彩画を夢に見た翌日例の金縁眼鏡の美学者が久しぶりで主人を訪問した。彼は座につくと劈頭第一に「画はどうかね」と口を切った。

На следующий день, после того как хозяину пригрезилась во сне картина, его навещил тот самый искусствовед в золотых очках. Он уже давно не навещал нас. Войдя в комнату, он прежде всего спросил: — Ну, как картина?

主人は平気な顔をして「君の忠告に従って写生を力めているがなるほど写生をすると今まで気のつかなかった物の形や色の精細な変化などがよく分るようだ。西洋では昔から写生を主張した結果今日のように発達したものと思われる。さすがアンドレア・デル・サルтоだ」と日記の事はおくびにも出さないでまたアンドレア・デル・サルトに感心する。

— Я последовал твоему совету и все время старался рисовать с натуры, — с деланным спокойствием ответил хозяин. — И знаешь, рисуя с натуры, я, кажется, научился улавливать тончайшие оттенки в игре красок, замечать самые незначительные детали предметов. Раньше у меня этого не получалось. На Западе издревле уделяют большое внимание рисованию с натуры, потому-то там и достигли такого совершенства. О, великий Андреа дель Сарто! Казалось, хозяин совсем забыл о том, какую запись он сделал в дневнике всего несколько дней назад.

美学者は笑いながら「実は君あれは出鱈目だよ」と頭を掻く。

Искусствовед засмеялся. — Ты знаешь, я все это говорил просто так. — И почесал затылок.

「何が」と主人はまだ※「言墟のつくり」第4水準28874 わられた事に気がつかない。

— Что «это»? — воскликнул хозяин, все еще не замечая издевки.

「何かって君のしきりに感服しているアンドレア・デル・サルトさ。あれは僕のちょっと捏造した話だ。君がそんなに真面目に信じようとは思わなかったハハハハ」と大喜悦の体である。

— Да о том самом Андреа дель Сарто, которым ты так восхищаешься. Я все это выдумал. Мне и в голову не приходило, что ты так серьезно относишься к занятиям живописью. — И, в восторге от своей выдумки, он громко захохотал: — Ха-ха-ха!

吾輩は椽側でこの対話を聞いて彼の今日の日記にはいかなる事が記さるであろうかと予め想像せざるを得なかった。

Я был на галерее, слышал весь этот разговор и никак не мог себе представить, какая запись появится в дневнике сегодня.

この美学者はこんな好加減な事を吹き散らして人を担ぐのを唯一の楽にしている男である。

Искусствовед любил пошутить, и для этого он прибегал к самым невероятным уловкам.

彼はアンドレア・デル・サルト事件が主人の情線にいかなる響を伝えたかを毫も顧慮せざるもののごとく得意になって下のような事を饒舌った。

Кажется, ему было невдомек, что разговор об Андреа дель Сарто проник в самые сокровенные уголки души моего хозяина, и он с самодовольным видом произнес:

「いや時々冗談を言うと人が真に受けるので大に滑稽的美感を挑撥するのは面白い。

せんだってある学生にニコラス・ニッケルベーがギボンに忠告して彼の一世の大著述なる仏国革命史を仏語で書くのをやめにして英文で出版させたと云ったらその学生がまた馬鹿に記憶の善い男で日本文学会の演説会で真面目に僕の話した通りを繰り返したのは滑稽であった。

ところがその時の傍聴者は約百名ばかりであったが皆熱心にそれを傾聴しておった。

それからまだ面白い話がある。せんだって或る文学者のいる席でハリソンの歴史小説セオファーンの話が出たから僕はあれは歴史小説の中で白眉である。ことに女主人公が死ぬところは鬼氣人を襲うようだと評したら僕の向うに坐っている知らんと云った事のない先生がそうそうあすこは実に名文だといった。それで僕はこの男もやはり僕同様この小説を読んでおらないという事を知った」神経胃弱性の主人は眼を丸くして問いかけた。

— До чего бывает комично, когда человек всерьез принимает шутку. Люблю посмеяться. Недавно я сообщил одному студенту, что Николас Никклби посоветовал Гиббону не писать его «Историю французской революции», которая является величайшим произведением того времени, на французском языке, и книга была издана на английском. У этого студента чертовски хорошая память, и до чего же было забавно, когда он серьезно, слово в слово, повторил это на заседании Общества японской литературы. На заседании присутствовало около ста человек, и ни у кого не возникло даже тени сомнения. А вот еще один любопытный анекдот. Недавно в присутствии известного литературоведа зашла речь об историческом романе Гаррисона «Теофано». Я возьми да и скажи, что из всех исторических романов этот самый лучший, что особенно сильно написан эпизод, в котором говорится о смерти героини, от него веет чем-то демоническим. Так этот самый достопочтенный господин — он сидел как раз напротив меня — нет чтобы сразу признаться, что, мол, «не знаю», «не читал», стал говорить: «Да, да, это поистине великолепное место». Ну, я сразу же понял, что он, подобно мне, не читал этого романа. У моего нервного впечатлительного хозяина глаза полезли на лоб:

「そんな出鱈目をいってもし相手が読んでいたらどうするつもりだ」あたかも人を欺くのは差支ないただ化の皮があらわれた時は困るじゃないかと感じたものごとくである。

— Ну, а если ты скажешь что-нибудь просто так наобум, а твой собеседник читал об этом. Что тогда? По— видимому, он считает, что вообще-то людей дурачить можно и неудобно бывает лишь тогда, когда тебя уличат во лжи.

美学者は少しも動じない。

Искусствовед, нисколько не смутившись, ответил:

「なにその時や別の本と間違えたとか何とか云うばかりさ」と云ってけらけら笑っている。

— В таком случае бывает достаточно сказать, что спутал с какой-нибудь другой книгой или еще что-нибудь в этом роде. — И захохотал.

この美学者は金縁の眼鏡は掛けているがその性質が車屋の黒に似たところがある。

主人は黙って日の出を輪に吹いて吾輩にはそんな勇氣はないと云わんばかりの顔をしている。美学者はそれから画をかいても駄目だという目付で「しかし冗談は冗談だが画というものは実際むずかしいものだよレオナルド・ダ・ヴィンチは門下生に寺院の壁のしみを写せと教えた事があるそうだ。

なるほど雪隠などに這入って雨の漏る壁を余念なく眺めているとなかなかうまい模様画が自然に出来ているぜ。君注意して写生して見給えきっと面白いものが出来るから」「また欺すのだろうか」「いえこれだけはたしかだよ。実際奇警な語じゃないかダ・ヴィンチでもいいそんな事だあね」「なるほど奇警には相違ないな」と主人は半分降参をした。しかし彼はまだ雪隠で写生はせぬようだ。

車屋の黒はその後跋になった。彼の光沢ある毛は漸々色が褪めて抜けて来る。吾輩が琥珀よりも美しいと評した彼の眼には眼脂が一杯たまっている。

ことに著しく吾輩の注意を惹いたのは彼の元気の消沈とその体格の悪くなった事である。

吾輩が例の茶園で彼に逢った最後の日どうだと云って尋ねたら「いたちの最後屁と肴屋の天秤棒には懲々だ」といった。

赤松の間に二三段の紅を綴った紅葉は昔しの夢のごとく散ってつくばいに近く代る代る花卉をこぼした紅白の山茶花も残りなく落ち尽した。三間半の南向の椽側に冬の日脚が早く傾いて木枯の吹かない日はほとんど稀になってから吾輩の昼寝の時間も狭められたような気がする。主人は毎日学校へ行く。

Хоть этот искусствовед и носит очки в золотой оправе, характером своим он очень походит на Куро. Хозяин молча курил, пуская кольца дыма, а выражение его лица как бы говорило: «Ну, сам-то я на такую дерзость ни за что бы не решился». В веселых глазах гостя угадывался ответ: «В таком случае тебе и рисовать нельзя». Вслух же он сказал: — Однако шутки шутками, а живопись действительно очень сложная штука. Говорят, что Леонардо да Винчи заставлял своих учеников срисовывать пятна со стен храмов. Попробуй сам, когда идешь в уборную, повнимательнее присмотреться к стенам, на которых проступают пятна от сырости. Тогда увидишь, какие великолепные узоры рисует природа. Попробуй тщательно их срисовать, должно получиться что-нибудь интересное. — Ты опять, наверное, меня обманываешь. — Нет, нет, уж это-то правда. И потом, разве не оригинальная мысль? Как раз в духе да Винчи. — И верно, оригинально, — уже наполовину сдавшись, сказал хозяин. Но переносить свою студию в уборную он, кажется, пока не собирался.

Вскоре после этого разговора я встретился с Куро. Он стал прихрамывать на одну лапу, его когда-то лоснящаяся шкурка потеряла свой блеск и облезла. Глаза, прежде казавшиеся мне прекраснее янтаря, гноились. Но самое главное — он утратил былую бодрость духа и здорово исхудал. А когда при последней нашей встрече среди чайных кустов я спросил его: «Как поживаешь, Куро?» — он ответил: — Я по горло сыт и хориной вонью, и коромыслом хозяина рыбной лавки.

Сквозь ветви сосны было видно, как тихо, словно обрывки древних снов, на землю падают красные листья всевозможных оттенков, а розовые кусты дикорастущего чая, которые когда-то осыпали нас своими лепестками, стоят совсем голые. Наступила зима, дни пошли на убыль, в ветвях деревьев постоянно шумит ветер. И я уже не сплю подолгу на галерее.

帰ると書斎へ立て籠る。人が来ると教師が厭だ厭だという。水彩画も滅多にかかない。タカジヤスターゼも功能がないといってやめてしまった。小供は感心に休まないで幼稚園へかよう。帰ると唱歌を歌って毬をついて時々吾輩を尻尾でぶら下げる。吾輩は御馳走も食わないから別段肥りもしないがまずまず健康で跛にもならずその日その日を暮している。鼠は決して取らない。おさんは未だに嫌いである。名前はまだつけてくれないが欲をいっても際限がないから生涯この教師の家で無名の猫で終るつもりだ。

Хозяин каждый день ходит в школу, а вернувшись домой, сразу же запирается в кабинете. Когда у него кто-нибудь бывает, он говорит, что ему надоело быть учителем. Рисует он теперь тоже редко. Как-то он сказал, что диастаза Така ему мало помогает, и совсем бросил ее пить. Дети, слава богу, все время ходят в детский сад. Придя домой, они поют, играют в мяч, иногда таскают меня за хвост. Кормят меня теперь гораздо хуже, не растолстеешь. Только благодаря своему хорошему здоровью я до сих пор не умер, но крыс все-таки не ловлю. И продолжаю ненавидеть служанку. Имени у меня по-прежнему нет. Но мало ли чего можно захотеть! Видно, так и придется мне прожить всю свою жизнь в доме этого учителя безымянным котом.